

Т.М. Малева
ИнСАП РАНХиГС, Москва

А.Я. Бурдяк
ИнСАП РАНХиГС, Москва

Средний класс: эмпирические измерения социальной мобильности поколений в России

Аннотация. Статья посвящена изучению межпоколенческой мобильности, важнейшему вопросу в дискурсе о потенциале роста социального и человеческого капитала. Исследуя, стали ли наши современники экономически и социально продуктивнее и успешнее предыдущих поколений, мы сравниваем уровень образования, должностную позицию и материальную обеспеченность людей 18–44-летнего возраста с их родителями. Самое значительное продвижение произошло по потребительскому статусу (что могут себе позволить приобретать). При этом с одинаковой вероятностью респонденты считают, что сейчас они живут лучше/хуже своих родителей, когда те были в таком же возрасте. Показано, что по образованию и статусу в занятости межпоколенная мобильность женщин значительно выше, чем у мужчин. Крупные социальные слои, определяемые на основе сочетания материальных (характеристики благосостояния) и нематериальных (уровень образования, статус на рынке труда, социальное благополучие) факторов, с разной интенсивностью смогли получить образование выше, чем у родителей, занять более высокую должностную позицию или стать лучше обеспеченными материально. Возможности роста сегодняшних представителей среднего класса во многом оказались ограничены тем, что их родители уже занимали самую высокую социально-экономическую позицию. Индекс, сконструированный с помощью факторного анализа на основе индикаторов изменения образования, занятости, материального положения и потребительского статуса респондентов относительно их родителей, показывает небольшую положительную совокупную межпоколенческую мобильность. К возрасту 35–44 года люди гораздо лучше образованы своих родителей, у них шире возможности потребления, однако продвижение в сфере занятости минимально. Отрицательное значение фактора занятости в протосреднем слое говорит о том, что дефицит хороших рабочих мест препятствует реализации образовательного потенциала данной социальной страты и выступает основным барьером на пути расширения среднего класса в России.

Ключевые слова: *межпоколенческая мобильность, средний класс, образование, занятость, социальная мобильность.*

JEL Classification: I31, J62.

Межпоколенческая социальная мобильность: теоретические подходы

Исследования факторов социально-экономического неравенства показывают, что материальное положение родительской семьи ключевым образом влияет на успешность ребенка во взрослой жизни, подтверждая тенденцию воспроизводства социально-экономического статуса индивида в обществе (Piketty, 2000; Neckerman, Tourche, 2007; Acs, Zimmerman, 2008; Kraaykamp, Nieuwbeerta, 2000, Morgan et al., 2006). Это означает, что политика грамотного содействия межпоколенческой экономической мобильности населения могла бы сокра-

тить масштабы социального неравенства (Богомолова, 2013, с. 69; Авраамова и др., 2008; European Commission, 2007).

В зарубежных работах тема межпоколенческой мобильности населения широко представлена в ракурсе социальной стратификации общества, и ее динамику зачастую связывают с ростом образовательного потенциала (Hamnett et al., 1989; Ganzeboom et al., 1991; Bourdieu, Passeron, 1997; Goldthorpe, McNight, 2006). Интенсивность повышения уровня образования детей относительно поколения родителей в разных странах серьезно отличается. За последние полвека образовательная мобильность была очень низкой в странах Латинской Америки, чуть выше – в странах Азии, заметно выше – в переходных экономиках и Западной Европе и самой высокой – в странах Северной Европы (Hertz et al., 2008). Это во многом объясняет различия в темпах роста экономик и социальной устойчивости этих обществ.

Изучение российских поколений в социально-экономическом контексте, имея длительную историю (Кон, 1978; Дубин, 2005), также связано с анализом образовательных факторов развития. В России ценность образования большинством населения осознана уже давно. Дети из семей с высоким уровнем социального капитала и материальным достатком имеют больше шансов на социальный и экономический успех – родители не только мотивированы, но и могут обеспечить им достойное образование. Важную роль играет культурный капитал семьи (Константиновский, 2008).

В работах последнего времени (Ястребов, 2016; Головлянищина, 2009; Gerber, Hout, 2004) предпринимаются попытки исследовать социальную мобильность в России, в том числе межпоколенческую, на основе теоретических подходов к классовой принадлежности по Эриксону – Голдторпу (Голдторп, Джексон, 2009). В рамках дискуссии о применимости классификаций по Голдторпу для переходных экономик они опираются на тезис о рыночном характере текущих условий на рынке труда, отражающих статусные преимущества выделяемых классов. Системообразующим критерием в данном подходе выступает профессия.

Вместе с тем, профессия занимает промежуточное положение между образованием и доходом. Статус, привлекательность и престиж профессий служат мотивацией для межпоколенческих профессиональных и социальных перемещений. Когда это соотношение устойчиво, как в индустриальных экономиках, оно создает понятные потоки восходящей социально-профессиональной мобильности. Однако для поколений работников в советской экономике соотношение социально-профессиональных групп с точки зрения статуса и дохода было совершенно другим, – не таким, как сегодня для поколения их детей.

Во-первых, заработная плата в советской экономике устанавливалась централизованно. Несмотря на межрегиональные, меж-

траслевые и квалификационно-профессиональные различия, а также номенклатурные добавки и привилегии, с точки зрения современного наблюдателя, труд в советской экономике оплачивался примерно одинаково (Ощепков, 2008, с. 302).

Во-вторых, некоторые представители дефицитных рабочих специальностей получали бóльшую заработную плату, чем высококвалифицированные инженеры на тех же производствах, что ставит под сомнение статусное соотношение квалифицированного и неквалифицированного труда.

В-третьих, несмотря на то что сегодня в России, как и в других развитых странах, профессии интеллектуального труда расположены на шкале профессионального престижа выше профессий физического труда, связь профессионального статуса с доходом оказывается не слишком отчетливой, в отличие от образования индивида и продолжительности обучения (Бессуднов, 2009).

Панельное исследование социальной межпоколенческой мобильности зафиксировало в конечной точке советского периода в 1991 г. довольно значительные восходящие и нисходящие потоки между классами по Эрикссону – Голдторпу (Titma et al., 2003). В условиях жесткой привязки системы образования к рынку труда в советской экономике образование зачастую имело узко специализированный характер. Выпускник был обязан проработать согласно полученной специальности по распределению, по крайней мере три года. Смена работы была также сложной задачей, а так как карьера предопределялась образованием, то повлиять на нее, после того как ребенок получил образование, родители могли, но только в редких случаях.

Среди механизмов, практик и ресурсов воспроизводства человеческого потенциала российские семьи и сегодня отдают предпочтение нематериальным формам инвестирования в последующие поколения, а именно: воспитанию, образованию и моральной поддержке детей. Материальную (денежную) поддержку со стороны родителей¹ получили меньше половины взрослых, тогда как помощь в получении жилья – каждый четвертый. Поддержка в профессиональной сфере в виде полезного знакомства или трудоустройства имеет место достаточно редко – 6–8%; прямая преемственность поколений, когда дети получают от родителей профессиональные знания, навыки, также не слишком распространена – 16% (Черкашина, 2014, с. 100).

В цепочке базовых признаков образование занимает важную позицию по нескольким причинам. Во-первых, оно тесно связано со сложившимся потребительским стандартом, воспринимаемым как прокси перманентного дохода; следовательно, стратифицировать общество можно по уровню образования (Song et al., 2016). Во-вторых, образование является основным передаточным звеном от родителей к детям. Вместе с тем результаты эмпирических исследований меж-

¹ Ответы на вопрос «Чем помогли, что дали вам ваши родители в жизни?» населения Новосибирской области в 2010 г., выборка – 1419 человек.

поколенческой мобильности по образованию, проведенных в ряде стран, неоднозначны. С одной стороны, зафиксировано сокращение неравенства в ходе межпоколенческого воспроизводства, когда снижается разрыв между мужчинами и женщинами, стираются классовые преимущества (Breen et al., 2010). С другой стороны, ряд работ подтверждает, что выгоды от расширения доступа к образованию и улучшения его качества преимущественно получают классы, стоящие на высоких ступенях социальной иерархии, что ведет, по меньшей мере, к сохранению неравенства (Boliver, 2010).

Вопрос о влиянии доступа к образованию на социальную структуру и масштабы неравенства актуален и для современной России. Прямым следствием общего роста материальной обеспеченности стало расширение возможностей детей из бедных семей получать дальнейшее образование. В 1990-е – начале 2000-х годов резко возросла доступность высшего образования в России: за десять лет число вузов увеличилось в 1,86 раз, численность студентов в них – в 1,72 раз, а профессорско-преподавательский состав стал многочисленнее в 1,25 раза (Клячко, Мау, 2007).

Качество жизни всех социальных страт, в том числе людей без высшего образования, улучшилось, что могло снижать мотивацию детей на получение более высокого уровня образования, чем у родителей. Одновременно рост благосостояния расширил возможности родителей, не имеющих высшего образования, обеспечить своим детям обучение в вузах. Постиндустриальное изменение структуры экономики и увеличение доли сервисных и высокотехнологических отраслей, требующих работников высшего образования, привело к повышению спроса на высококвалифицированный труд, как это произошло в европейских странах (Breen et al., 2010).

Кроме того, к концу XX в. почти полностью исчезли гендерные различия в доступности образования и хороших рабочих мест, что дало импульс мощному росту уровня образования женщин по сравнению с мужчинами. В результате расширения трудовых и образовательных возможностей женщин возросла роль образовательных и карьерных факторов и снизилась роль замужества как инструмента восходящей социальной мобильности.

Между тем в социальном контексте образование сегодня – лишь один из критериев успеха. Другие характеристики: материальное благополучие и трудовая карьера, по совокупности которых можно судить об успешности / неуспешности одного поколения по сравнению с другим, чаще всего остаются за бортом анализа. При этом в российском обществе социально-профессиональные и материально-имущественные критерии остаются низкоконсистентными (Крельберг, 2007; Popova, Pishniak, 2016), порой действуя разнонаправленно: люди с высшим образованием бывают бедными, а люди с достатком – малообразованными. Это обстоятельство не дает воз-

возможности использовать единый классообразующий критерий для исследования структуры общества постреформенной России, по аналогии, например, со стратификационным подходом Голдторпа, в основе которого лежат именно характеристики профессионального статуса респондента.

В наших предыдущих работах, посвященных социальной стратификации российского общества (Малева, 2003; Малева и др., 2015), показано, что в современной России социально-экономическое положение крупных социальных страт и их воспроизводство определяется совокупностью материальных (характеристики благосостояния) и нематериальных (уровень образования, статус на рынке труда, социальное самочувствие) факторов, изменения которых определяют динамику социальной структуры общества. Подобный подход позволяет выделить *средний класс* как группу, обладающую высокими характеристиками в перечисленных областях, и его социальное окружение – группы, обладающие / не обладающие потенциалом развития и присоединения к среднему классу: *класс ниже среднего* – не имеющий достаточного числа признаков среднего класса, и *низший класс* – без единого признака среднего класса.

Действуя в рамках описанного стратификационного подхода, в настоящей работе мы исследуем общий вектор поколенческой социальной мобильности. Учитывая, что за последние четверть века Россия пережила несколько этапов развития, существенно отличающихся друг от друга социально-экономическими условиями, вопрос о межпоколенческой мобильности является важнейшим в дискурсе о потенциале роста социального и человеческого капитала и, в конечном счете, о перспективах развития страны.

Можно ли утверждать, что последующие поколения экономически и социально сильнее, продуктивнее и успешнее предшествующих поколений? Имеют ли они гарантии воспроизводства того социального статуса, каким обладали их родители? Каковы пути входа в средний класс в России в настоящее время? Сегодняшние представители среднего класса заняли высокие социально-экономические позиции, просто повторив образовательные и карьерные траектории своих родителей, пройдя уже проторенной дорогой? Или они проделали свой путь в приращении образования, компетенций, квалификации и, как результат, доходов по сравнению с предыдущим поколением? Другими словами, зарабатывается или передается по наследству пропуск в средний класс?

Работа основана на данных репрезентативного социодемографического обследования «Человек, семья, общество» (ЧСО–2013), проведенного ИнСАП РАНХиГС в 2013 г. и охватившего 9557 респондентов из 59 субъектов РФ. Целевая группа для анализа межпоколенческой мобильности составила 3096 респондентов.

Методология

Чтобы ответить на вопрос о наследственности классовых позиций в терминах нашей многокритериальной стратификационной парадигмы, будет сконструирован общий вектор межпоколенческой мобильности в пространстве «образование – занятость – материальное положение». Именно в этом пространстве будет оцениваться динамика среднего, протосреднего, базового и низшего классов (Малева и др., 2015).

- К среднему классу относятся те, кто обладает большинством частных признаков среднего класса (материальный, социально-профессиональный и субъективный) при условии, что дефицитный признак не достигает характерных для низшего класса значений.
- Низший класс – социальные группы с наименьшими значениями указанных характеристик.
- Социальные группы, которые пока не обладают высокой концентрацией частных признаков среднего класса, составляют так называемый протосредний класс. В него главным образом входит учащаяся молодежь и молодые специалисты – с течением времени у них имеются серьезные шансы получить высшее образование или достигнуть высокого уровня дохода.
- Базовый слой – социальная группа, которая не располагает этими шансами.

Для того чтобы нащупать условные границы между поколениями по характеру мобильности, мы применяем плавающие возрастные интервалы. Целевой группой анализа выступает население молодого и среднего трудоспособного возраста – от 18 до 44 лет. Респондент сравнивается с родительским домохозяйством на момент, когда респонденту было 15 лет, по трем направлениям – образование, статус занятости и потребительский статус, как индикатор материального положения². Несмотря на возможную ошибочность оценок респондента о положении его родителей или неточность его воспоминаний, в исследованиях межпоколенческой мобильности такой подход является классическим (Shavit, Blossfeld, 1993). Домохозяйственный по своей природе показатель материального положения вдобавок можно трактовать как стартовую точку ретроспективы обеспеченности самого респондента при его продвижении по этапам жизненного пути. Альтернативные более точные подходы, основанные на лонгитюдных данных о социальном классе родителей, на прямом сравнении размера денежных доходов респондента с доходами его родителей или, например, учитывающие статус бабушек–дедушек в динамике (Plewis, Bartley, 2014; Chan, Voliver, 2013), для России недоступны из-за отсутствия эмпирической базы. Впрочем, они редки в большинстве стран мира.

Отдельного внимания заслуживает институциональный контекст. Апеллируя к 15-летнему возрасту респондента, мы отправляем

² Респонденты, не предоставившие указанную информацию о себе или своих родителях, исключены из дальнейшего анализа. В их числе неработающие или затруднившиеся в ответе респонденты. В большей степени данное ограничение коснулось представителей низшего слоя.

самых младших на три года, а самых старших – на 29 лет назад, попадая в 1984–2010 гг. Как легко заметить, этот промежуток времени включает и последние годы советского периода, и длительный трансформационный кризис 1990-х годов, и валютно-финансовый кризис 1998 г., и экономический рост начала 2000-х годов, и даже экономический кризис 2008–2009 гг. За это время существенные изменения претерпели и образовательная структура населения, и ситуация на рынке труда, и уровень доходов населения, что, в свою очередь, также влияло на образовательные, трудовые и материально-имущественные модели поведения детей по сравнению с родительскими.

При анализе изменения материального положения на основе вопроса "В том же возрасте, что вы сейчас, ваши родители были хуже или лучше материально обеспечены, чем вы сейчас?" мы снимаем проблему незавершенного образования и недоучтенного потенциала карьерного роста в молодых возрастах. Сдвиг на 21–23 года назад (наиболее вероятный лаг равен среднему возрасту матери при рождении ребенка) расширяет референтный период до 1970–1995 гг. При этом для случаев, когда у отца и матери респондента имеется значительная разница в возрасте, остается открытым вопрос о том, с кем из родителей он себя сравнивал по возрасту, описывая историю родительского домохозяйства. За счет присутствия в опросе ранних и поздних детей подходящая точка в их биографиях произошла от 18 до 45 лет назад, и исторические рамки момента, с которым сравнивает себя респондент образца 2013 г., становятся еще более широкими.

На межпоколенческую мобильность может серьезно влиять структура домашнего хозяйства. По ходу демографического цикла материальное положение и структура расходов семей значительно меняются. Мы проводим сравнение различных стадий демографического пути респондента с родительским домохозяйством, принадлежащим к категории полных или неполных семей с детьми школьного возраста (15 лет). Частично прогресс материальной обеспеченности респондента может быть обусловлен его одиноким проживанием или тем, что он/она пока не имеет детей. Кроме того, за счет исторических трендов снижения детности сегодня материальное положение, например, семьи с двумя детьми на фоне остальных домашних хозяйств может оказаться хуже, чем это было в поколении родителей. Влияние стадии жизненного цикла будет минимальным для возрастной когорты 35–44 года.

В дальнейшем совокупный уровень образования или должностной статус родителей респондента мы определяем как максимум³. Однако различия статусов отца и матери могут вносить коррективы при оценках масштабов мобильности дочерей относительно матерей, а сыновей – на фоне отцов. Гомогенность должностного статуса родителей на момент 15-летия ребенка характерна для половины полных семей, тогда как одинаковое образование имели родители 2/3

³ Максимальный уровень образования среди обоих родителей. Если родитель один, то берется его образование и статус занятости.

респондентов. В целом статус семейной ячейки чаще определялся социальным статусом матери. По уровню образования (20 против 13%) и занятости (30 против 16%) женщина в родительской семье с большей вероятностью занимала более высокие позиции, чем мужчина. В гендерном плане это может снижать масштабы роста сыновей в сравнении с обоими родителями, когда они просто повторяют профессиональную траекторию, например, отца. Учитывая респондентов из неполных семей, воспитанных в основном матерями, еще с большей уверенностью можно говорить об определяющей роли образования и занятости матери в жизни и карьере ребенка. Повышение роли матери в формировании социально-профессионального статуса индивида отмечают и другие исследователи (Шкаратан, 2009).

Сопоставление детей и родителей по образованию, должностному статусу и потребительским возможностям как индикатору материальной обеспеченности проведено по укрупненным группам (табл. 1). Переход из одной категории в другую воспринимается в данной работе как свидетельство межпоколенческой мобильности.

На примере возрастной когорты респондентов в возрасте 35–44 года, наиболее близких к поколению своих родителей на момент

Таблица 1

Классификация образования, потребительского и должностного статусов респондентов и их родителей

Категория	Образование	Потребительский статус родителей	Потребительский статус респондента	Должностной статус
1 (самый высокий уровень)	Высшее, послевузовское, ученая степень	Жили очень хорошо, ни в чем себе не отказывали	Могут при необходимости купить автомобиль или квартиру в кредит	Руководитель
2	Среднее профессиональное	Жили достаточно хорошо	Могут покупать недорогую мебель и бытовые приборы	Специалист высшего уровня квалификации
3	Начальное профессиональное	Жили средние	На еду и одежду денег хватает, но покупка мебели и бытовых приборов – проблема	Специалист среднего уровня квалификации
4 (самый низкий уровень образования или материального положения)	Среднее полное или ниже	Испытывали некоторые (или серьезные) материальные затруднения	На еду и оплату ЖКУ денег хватает, но покупка одежды и обуви – проблема. Денег не хватает даже на еду	Технический служащий, рядовой работник в торговле, бытовом обслуживании, охране и др.
5 (самый низкий должностной статус)	—	—	—	Работник, преимущественно занятый физическим трудом

Источник: классификация авторов.

15-летия детей⁴, видно (рис. 1), что в целом образование и материальное положение детей стало лучше. Шкала должностного статуса сжалась к середине – в экономике стало меньше специалистов средней квалификации, но выросла численность представителей физического труда. Молодые люди в полтора раза чаще своих родителей занимаются преимущественно физическим трудом (в 1,7 раза для 18–44 и в 1,4 раза для 35–44-летних).

При сопоставлении уровня благосостояния детей и родителей мы также опираемся на мнение респондента о том, были ли его родители в том же возрасте «хуже, примерно так же или лучше» материально обеспечены, чем он сейчас. Несмотря на определенный субъективизм, неточность осведомленности об уровне жизни родительской семьи в ретроспективе, а также различия в критериях материального благополучия поколений, данный показатель достаточно хорошо встроился в канву изучения изменения материальной обеспеченности родителей и их детей. 40% респондентов считают, что живут так же, как их родители; примерно по 30% стали жить лучше или хуже родителей (рис. 2). Это вполне корректно соотносится с выводами межстрановых исследований, согласно которым в среднем около 40% респондентов во всех странах считают, что повторили социальное положение своих родителей (Гимпельсон, Монусова, 2014).

Важно, что оценка мобильности сталкивается с феноменом пола и потолка, когда двигаться уже некуда: нельзя по формальной шкале подняться выше родителей с высшим образованием и нельзя опуститься по этой же шкале ниже родителей со средним или неполным средним образованием. Случаи потолка мы выделили на графике

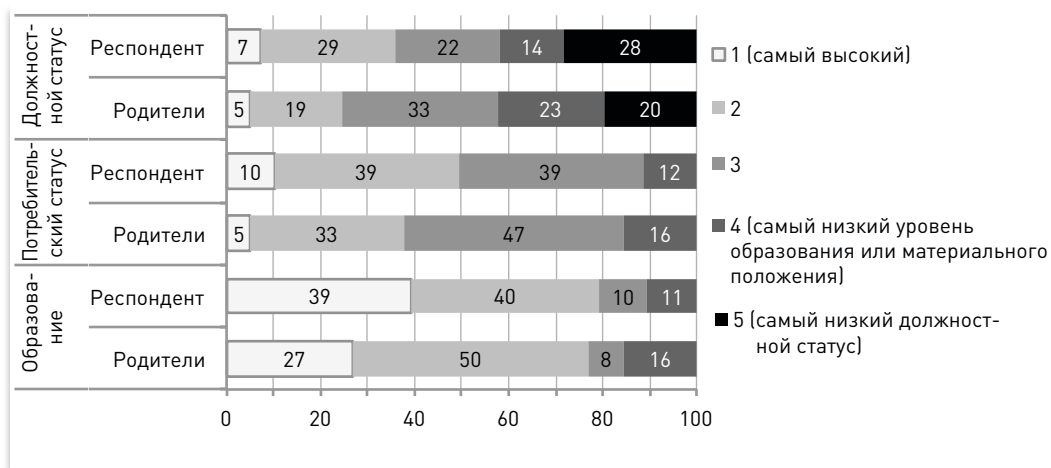

Рис. 1

Должностной статус, потребительский статус и образование детей и родителей, %

Источник: здесь и далее построено по материалам обследования ЧСО–2013.

⁴ Для всей целевой группы 18–44 года наблюдаются аналогичные тенденции с наиболее сильными отличиями в области образования.

Рис. 2

Межпоколенческая мобильность по образованию, должностному и потребительскому статусу, материальному положению 18–44-летних и когорты 35–44-летних, %

(рис. 2), считая высокими позициями наличие у родителей высшего образования, должности в качестве специалиста высшей квалификации или руководителя и потребительского статуса по крайней мере на уровне «жили достаточно хорошо». Ограничение в виде потолка объясняет от 10 до 20% отсутствия мобильности.

Векторы мобильности, или «Яблоко от яблони...»

Индекс, равный сумме положительных и отрицательных сдвигов в разрезе десятилетних групп мужчин и женщин, позволяет отметить четыре тенденции (рис. 3).

1. Максимальный прогресс молодого поколения по сравнению с родительским достигнут в образовании и потребительском статусе. При этом по образованию особенно мобильны женщины. Гендерный разрыв начинает сокращаться только после достижения 30-летнего возраста.

2. Похожие гендерные различия присутствуют в статусе занятости: при почти нейтральной суммарной динамике индекс поколенной мобильности женщин в занятости +10%, а мужчин –18%. Восходящие траектории по занятости уравниваются с нисходящими, начиная с 26-летнего возраста респондента.

3. Однозначный положительный межпоколенческий сдвиг наблюдается у всех возрастных групп по потребительскому статусу. При этом превосходство мужчин над своими родителями по этому параметру выше, чем у женщин.

4. Материальное положение – наименее динамичная компонента детей относительно родителей. Для женщин оно практически не изменилось, а мужчины, напротив, немного чаще живут обеспеченней своих родителей.

Наиболее выраженная восходящая траектория наблюдается от родителей—специалистов среднего уровня квалификации к детям с высшей квалификацией, а нисходящая мобильность с наибольшей частотой происходит из группы родителей—специалистов средней квалификации и технических служащих к детям, занятым преимущественно физическим трудом. Эти тенденции отражают изменения российского рынка труда за постсоветский период – рост распространенности профессий интеллектуального труда, с одной стороны, и сокращение производственного сектора, рост занятости в сфере услуг, в том числе в торговле, с другой стороны (Гимпельсон, Капелюшников, 2011).

Рынок труда в России имеет яркую гендерную специфику: существование мужских или женских профессий, династичность в выборе профессий в ряде отраслей (здравоохранение, наука, юриспруденция и пр.). В этой связи правильнее было бы соотносить должностной статус женщин со статусом их матерей, а мужчин – со статусом отцов. Картина в этом случае меняется, и восходящая динамика оказывается более выраженной. Более высокую должностную позицию относительно своей матери занимают 35% занятых женщин, а мужчины показали еще больший карьерный рост по отношению к позиции отца – 40%. Факт более высокой социально-профессиональной мобильности женщин в современной России подтверждают и другие исследователи (Козырева, 2013).

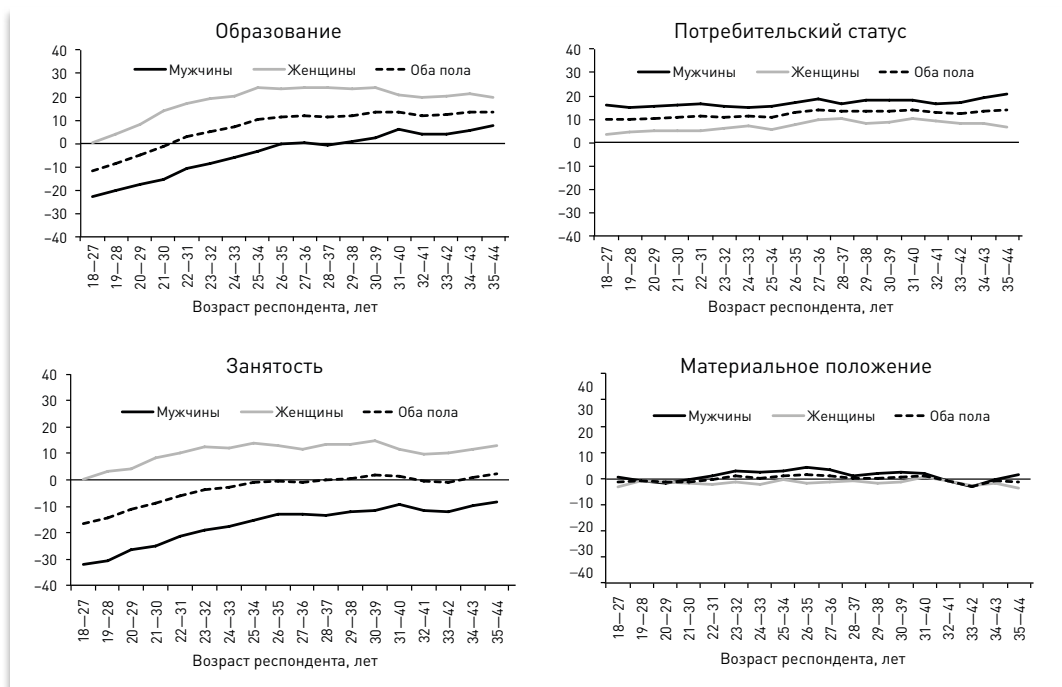

Рис. 3

Индексы межпоколенческой мобильности мужчин и женщин разного возраста по уровню образования, статусу занятости, потребительскому статусу и материальному положению, %

Есть ли отличия социальных страт в векторе и интенсивности межпоколенческой мобильности? Растет ли средний слой по сравнению с родителями, или он просто повторил их достижения в образовании, карьере и благосостоянии? Индексы мобильности, суммирующие положительную и отрицательную динамику компонент, представлены на рис. 4. Небольшая численность низшего класса приводит к малой наполненности десятилетних возрастных групп (отмечено звездочкой на графике), для остальных страт выборка достаточна, чтобы наблюдать возрастные различия.

Средние классы лидируют по восходящей межпоколенческой образовательной мобильности. С каждой более низкой ступенью шкалы растет доля лиц с отрицательной и сокращается доля лиц с положительной динамикой уровня образования. В базовом слое движение вверх встречается в два раза реже, а в низшем – в три раза реже, чем среди представителей среднего класса. Стабильность, когда дети воспроизводят уровень образования родителей, является самым массовым феноменом во всех слоях, кроме низшего, а базовый слой демонстрирует повторение уровня образования родителей даже в большей степени, чем протосредний слой.

На фоне остальных социальных страт средний класс также выделяется очевидным преобладанием восходящих траекторий в трудовой жизни и карьере по отношению к родителям: более 40% представителей среднего класса превзошли обоих своих родителей по

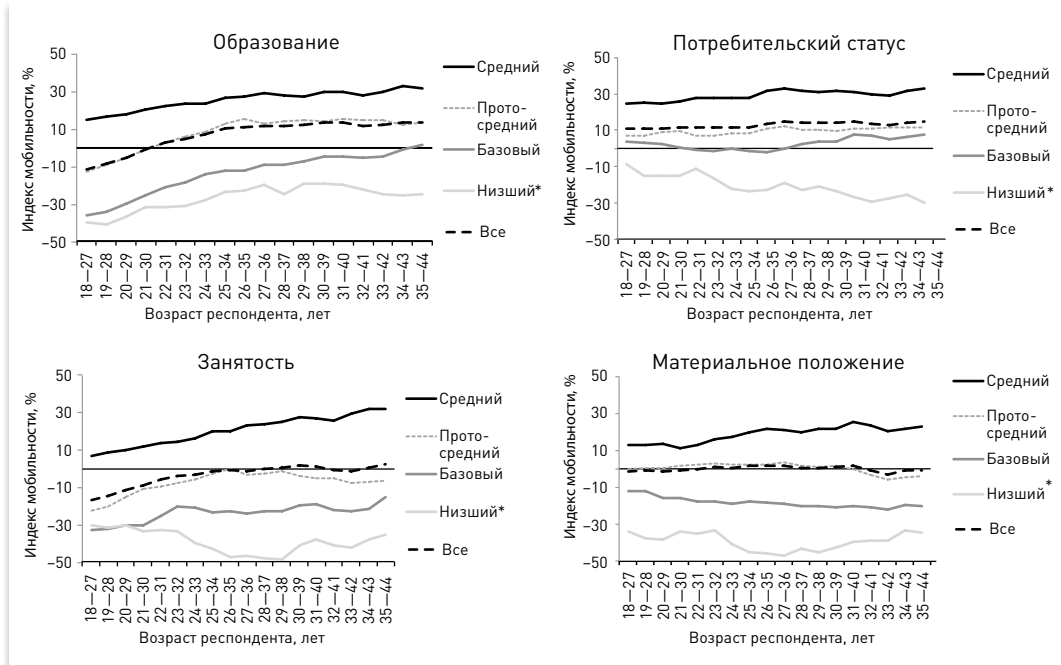

Рис. 4

Индексы межпоколенческой мобильности респондентов различных возрастов из разных страт по образованию, занятости, потребительскому статусу и материальному положению, %

должностному уровню. Другая отличительная черта – самая низкая среди различных страт нисходящая мобильность среднего класса (21%). Стабильность, когда человек воспроизводит должностное положение своих родителей, имеет место в 37% случаев. Остальные страты демонстрируют меньшие масштабы роста и большее снижение должностных позиций детей в сравнении с предыдущим поколением.

Итак, положительная динамика в страте среднего класса перевешивает отрицательную по всем факторам. Принадлежность индивида к среднему классу с вероятностью 49% предопределена высоким статусом его родителей – почти половина респондентов осталась в среднем классе, повторив путь родителей или даже имея образование или должностную позицию ниже.

В то же время нельзя не отметить и тот факт, что 36% низшего класса, несмотря на более высокое образование или статус занятости, чем у родителей, остались в нижней страте общества, так и не преодолев наследственность положения.

Как видим, по преобладанию масштабов восходящей межпоколенной мобильности над нисходящей средние классы намного превосходят другие страты. Изначально в силу методологии вычленения

Рис. 5

Инерционность образования, занятости, потребительского статуса и материального положения респондентов из разных социальных классов относительно их родителей и ее изменение с возрастом, %

среднего класса более обеспеченные респонденты чаще остальных попадают в средний слой. По благосостоянию 2/3 из представителей среднего класса не улучшили позиции своих родителей, в том числе 17% из них сегодня обеспечены даже хуже, чем родители в том же возрасте. Это означает, что родители этих представителей среднего класса также занимали высокие позиции на шкале материального благополучия и с высокой вероятностью принадлежали к среднему классу. Протосредний и средний слои чаще остальных воспроизводят материально-имущественные позиции своих родителей (рис. 5). Вектор ухудшения усиливается при переходе от среднего к низшему слою, достигая более половины представителей последнего, оценивающих свое материальное положение хуже, чем у родителей. Позитивная динамика, наоборот, в верхней части шкалы наблюдается чаще, чем в нижней.

Наследственность высокого социального положения по уровню образования (55%) и занятости (38%) выступает мощным фактором попадания в средние классы. На фоне остальных страт средние классы выделяются высокой долей индивидов, имеющих такой же уровень образования, как родители, и большей долей материально обеспеченных так же, как поколение родителей. Должностной статус представителя среднего класса по сравнению с его родителями в большинстве случаев не изменился.

Интегральный показатель мобильности

Наша стратификационная модель многокритериальна, поэтому необходим синтез частных результатов. Для построения вектора совокупной межпоколенческой мобильности в пространстве «образование – занятость – потребительский статус – материальное положение» мы воспользовались методами факторного анализа. Каждая переменная принимает три значения: -1 – спад, 0 – неизменность позиции и $+1$ – рост статуса респондента по сравнению с родителями. Компоненты согласованы на среднем уровне, альфа Кронбаха – $0,502$. Извлеченная первая главная компонента корреляционной матрицы отвечает собственному значению $1,63$, задавая направление максимального растяжения пространства «образование – занятость – потребительский статус – материальное положение». В наибольшей степени она сонаправлена с мобильностью по образованию и по занятости (табл. 2). Факторы образования и статуса занятости хорошо согласуются друг с другом, и именно этими двумя компонентами чаще всего задается вектор общей межпоколенческой мобильности россиян в возрасте 18–44 года. Две другие компоненты – потребительский статус и материальное положение – вносят более скромный вклад в синтетический показатель. Это объяснимо: после получения высшего образования молодые люди сразу начинают работать в качестве специалистов, однако для значительного улучшения материального положения нужно время.

Таблица 2

Главные компоненты корреляционной матрицы показателей межпоколенческой мобильности и доля объясненной ими дисперсии

Показатель	Компонента		Доля объясненной дисперсии, %
	1	2	
Образование	0,757	-0,431	75,9
Занятость	0,784	-0,368	75,0
Потребительский статус	0,448	0,677	66,0
Материальная обеспеченность	0,489	0,636	64,4
Собирательные статистики набора показателей			
Собственное значение матрицы	1,63	1,19	–
Доля объясненной дисперсии, %	40,7	29,6	70,3

Вторая главная компонента отражает вклад материальной обеспеченности и потребительского статуса и носит компенсационный характер. Вместе они объясняют 70% совокупной дисперсии набора индикаторов межпоколенческой мобильности. Таким образом, межпоколенческая мобильность с высокой степенью точности описывается следующей линейной комбинацией:

$$mob_4factors = 0,109 \times mobedu + \quad (1)$$

$$+ 0,139 \times mobzan + 0,376 \times mobpotr + 0,376 \times mobmat,$$

где *mobedu* – мобильность респондента относительно его/ее родителей по уровню образованию; *mobzan* – мобильность по должностной позиции в занятости; *mobpotr* – мобильность по потребительскому статусу; *mobmat* – мобильность по материальному положению; *mob_4factors* – интегральный показатель межпоколенческой мобильности.

Значения коэффициентов нормированы для того, чтобы итоговый показатель менялся в пределах отрезка $[-1, 1]$ или $[-100\%, 100\%]$. Индивид, выросший по всем четырем направлениям относительно своих родителей, по интегральному показателю получит также +1, или +100%. Снижение всех четырех компонент при такой нормировке соответствует значению – 1 (или –100%) индикатора интегральной мобильности.

В таком упрощенном скалярном виде мы можем сравнить социальные страты как по отдельным компонентам межпоколенной мобильности, так и по сводному, или интегральному, показателю. Из результатов факторного анализа следует, например, что в целом для всей совокупности респондентов (18–44 года) образование (+5%), и особенно потребительский статус (+12%), работают в позитивном направлении, в то время как занятость (–5%) – в отрицательном (табл. 3, рис. 6). Это означает, что образование и потребительский статус служат мотором социального продвижения детей вверх, а положение на рынке труда это продвижение тормозит.

Таблица 3

Средние значения частных факторов и сводного показателя межпоколенной мобильности, %

Страта	Образование	Занятость	Потребительский статус	Материальная обеспеченность	Интегральный
18–44 года					
Средний класс	25,2	20,6	28,9	19,5	23,8
Протосредний	6,1	-10,3	8,1	-0,1	2,2
Базовый класс	-15,6	-24,2	2,6	-18,7	-11,1
Низший класс	-28,1	-36,9	-22,6	-38,7	-31,2
Все страты	5,1	-5,0	11,7	-0,5	4,0
35–44 года					
Средний класс	32,1	31,3	32,6	23,1	28,8
Протосредний	13,6	-6,2	11,7	-3,8	3,6
Базовый класс	1,5	-15,7	8,4	-21,5	-6,9
Низший класс	-26,5	-33,3	-31,4	-35,3	-32,6
Все страты	13,8	2,1	14,3	-1,3	6,7

Источник: рассчитано авторами на основе данных обследования ЧСО–2013.

Можно ожидать, что самую мощную социальную мобильность демонстрирует средний класс (интегральный показатель +24%), и все факторы мобильности действуют в сторону роста. Для низшего класса, наоборот, очевидно движение вниз (-31%), причем все четыре фактора работают со знаком минус.

В итоге для группы 18–44-летних граждан по совокупности признаков – занятость, образование, материальное благополучие и потребительский статус – осязаемого прогресса по сравнению с их родителями не наблюдается: значение интегрального показателя мобильности невелико (+4%).

В то же время для когорты 35–44 года (напомним, что мы намеренно выделяем эту группу для устранения возможной асимметрии, связанной с влиянием различных стадий жизненного цикла) мобильность детей по отношению к родителям ощутимо выше – интегральный показатель равен +7%. Дети гораздо лучше образованы, у них шире возможности потребления, и по статусу занятости наметилась тенденция движения вверх. В итоге общий индикатор межпоколенческой мобильности показывает положительную динамику, несмотря на отсутствие изменений в уровне материальной обеспеченности поколений. Нельзя не обратить внимания на следующий факт: самое слабое звено в этой цепи – занятость (значение лишь +2%).

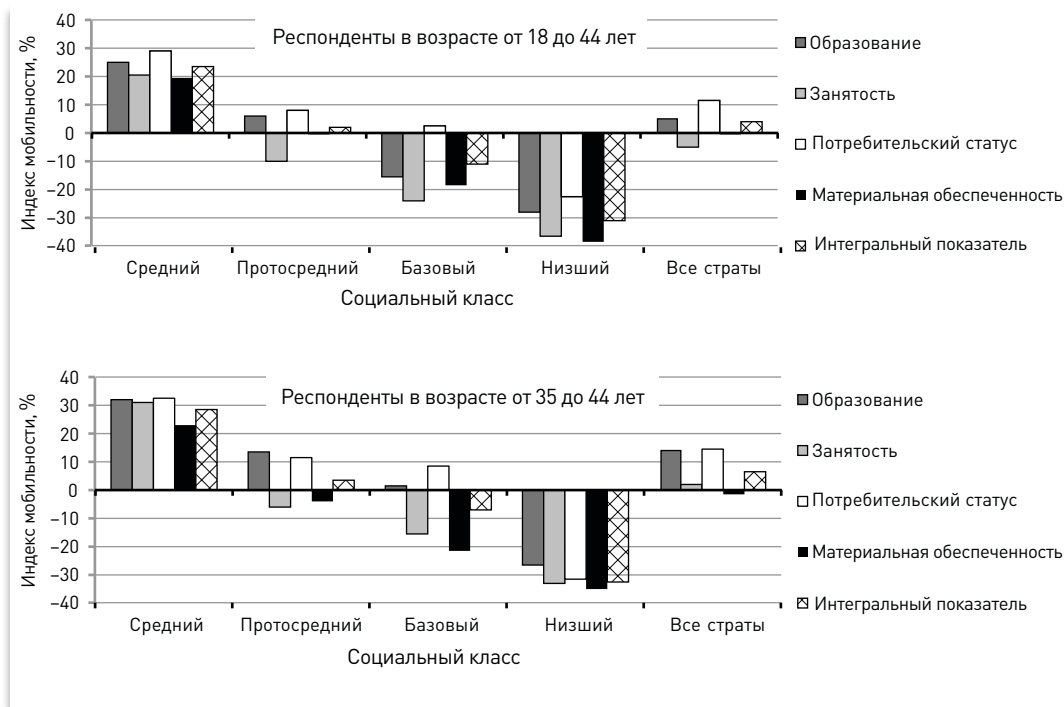

Рис. 6

Средние значения частных индексов и сводного показателя межпоколенческой мобильности для всей выборки и для 35–44-летних респондентов, %

Источник: обследование ЧСО–2013.

Средний класс, как и в предыдущем случае, выгодно выделяется тем, что все факторы имеют выраженное положительное значение. Между тем, если мы обратим внимание на протосредний слой, то увидим отрицательное значение фактора занятости (–6%). Это означает, что дефицит хороших рабочих мест, соответствующих высокой квалификации и образованию, приводит к отрицательной межпоколенческой социально-профессиональной мобильности и выступает основным барьером на пути расширения среднего класса.

Что в итоге?

Поколение россиян молодого и среднего трудоспособного возраста в полной мере подверглось воздействию трансформационных процессов 1990-х годов. С одной стороны, значительно изменилась структура рынка труда, с другой стороны, высшее образование стало более массовым. Макроэкономическая статистика свидетельствует о росте доходов населения за последние 20 лет.

Сравнивая наших молодых современников с их родителями по социально-экономическому статусу, включающему образование, должностную позицию, потребительский статус и материальное положение,

ние, мы находим небольшое улучшение позиций молодого поколения относительно их родителей по совокупности четырех компонент. В том числе наблюдается ощутимое улучшение потребительского статуса и рост образования. Люди в возрасте 35–44 года (максимально приближенном к возрасту родителей во время, с которым проводится сравнение) чаще показывают позитивные изменения в совокупном социальном статусе, чем отрицательные.

При этом материальное положение и занятость не имеют решающего значения, наоборот, их влияние слабо. Однако если в отношении материального фактора доля субъективизма крайне высока (нет однозначной интерпретации понятия «живем лучше / хуже родителей»), то слабое влияние на социальную динамику фактора занятости когорты 35–44-летних не может не настораживать. Очевидно, что занятость – самое «узкое горлышко» на пути восходящей социальной мобильности. Поскольку нынешнее поколение работников, как мы видим, не уступает своим родителям в образовании и квалификации, тот факт, что они не могут достичь таких же значимых трудовых статусов, означает, что современный рынок труда располагает ограниченным числом соответствующих рабочих мест.

Можно ли утверждать, что современный средний класс получил билет в эту страту от своих родителей? По образованию – да. Более половины из них повторили образовательную траекторию своих родителей. Что касается трудовой карьеры, то повторили трудовой путь своих родителей треть, в то время как прирастили трудовой статус родителей – более 40% представителей современного среднего класса. В оценке материально-экономического положения также наблюдается положительный сдвиг. Итак, налицо восходящая социальная динамика представителей сегодняшнего среднего класса. Несмотря на значительную социальную инерционность, когда уровень образования или должностной статус детей повторяет позиции родителей, средний класс нашел пространство для роста, показав значительную восходящую мобильность относительно своих родителей.

Для протосреднего класса характерен небольшой рост образования и потребительского статуса относительно старшего поколения. Однако по должностному статусу они пока не дотягивают до своих родителей, и даже с учетом временного лага это препятствие не преодолевается к возрасту 35–44 года. Данная социальная группа обладает хотя бы одним признаком среднего класса, чаще всего это образование, но низкая концентрация таких признаков удерживает их за пределами среднего класса. Повышение должностного статуса позволило бы им не только сравняться со своими родителями, но и преодолеть порог входа в средние классы. И это вновь обращает нас к вопросу об ограничительном влиянии рынка труда на характер социальной мобильности – структура рынка труда не дает достаточно перспектив для эффективного передвижения вверх по социальной лестнице.

ЛИТЕРАТУРА

- Авраамова Е.М., Александрова О.А., Кулагина Е.В., Логинов Д.М., Титов В.Н., Тореев В.Б.** (2008). Вертикальная мобильность российского общества: 2000-е годы. Коллективная монография. М.: М-Студио.
- Бессуднов А.Р.** (2009). Социально-профессиональный статус в современной России // *Мир России: Социология, этнология*. № 2. С. 89–115.
- Богомолова Т.Ю.** (2013). Исследования экономической мобильности населения и социально-экономическая политика государства: анализ американского опыта // *Уровень жизни населения регионов России*. № 2. С. 68–78.
- Гимпельсон В.Е., Капелюшников Р.И.** (ред.) (2011). Российский работник: образование, профессия, квалификация. М.: Издательский дом НИУ ВШЭ.
- Гимпельсон В.Е., Мунусова Г.А.** (2014). Восприятие неравенства и социальная мобильность // *Экономический журнал Высшей школы экономики*. Т. 18. № 2. С. 216–248.
- Голдторп Д., Джексон М.** (2009). Межпоколенческая классовая мобильность в современной Великобритании: политические аспекты и результаты исследований // *SPERO*. № 10. С. 181–200.
- Головляницина Е.Б.** (2009). Инновационен ли российский средний класс? Особенности профессиональной структуры и трудовых ценностей среднего класса накануне кризиса // *Мир России: Социология, этнология*. Т. 18. № 4. С. 19–36.
- Дубин Б.В.** (2005). Поколение: смысл и границы понятия. В кн.: *«Отцы и дети: поколенческий анализ современной России»*. Левада Ю., Шанин Т. (ред.). М.: Новое литературное обозрение. С. 61–79.
- Клячко Т.Л., Мау В.А.** (2007). Тенденции развития высшего профессионального образования в Российской Федерации // *Вопросы образования*. № 3. С. 46–64.
- Козырева П.М.** (2013). Межпоколенная социально-профессиональная мобильность в постсоветской России // *Социологическая наука и социальная практика*. № 1. С. 60–73.
- Кон И.С.** (1978). Возрастные категории в науках о человеке и обществе // *Социологические исследования*. № 3. С. 81.
- Константиновский Д.Л.** (2008). Неравенство и образование. Опыт социологических исследований жизненного старта российской молодежи (1960-е годы – начало 2000-х). М.: Центр социального прогнозирования.
- Крельберг Ю.М.** (2007). Анализ воспроизводства трех компонент индивидуального социального статуса // *Мир России: Социология, этнология*. № 2. С. 152–169.
- Малева Т.М.** (ред.) (2003). Средние классы в России: экономические и социальные стратегии. М.: Гендальф.
- Малева Т.М., Бурдяк А.Я., Тындик А.О.** (2015). Средние классы на различных этапах жизненного пути // *Журнал Новой экономической ассоциации*. № 3. С. 109–138.
- Ощепков А.Ю.** (2008). Межрегиональная дифференциация в заработной плате. В сб.: *«Заработная плата в России: эволюция и дифференциация»*.

- Гимпельсон В.Е., Капелюшников Р.И. (ред.). М.: Издательский дом НИУ ВШЭ.
- Черкашина Т.Ю.** (2014). Семейные практики инвестирования в образование детей. В сб.: «*Перспективы и риски развития человеческого потенциала в Сибири*». Кулешов В.В. (ред.). Сибирское отделение, РАН, Институт экономики и организации промышленного производства [и др.]. Новосибирск: Изд-во СО РАН. С. 92–103.
- Шкаратан О.И.** (ред.) (2009). Социально-экономическое неравенство и его воспроизводство в современной России. М.: ЗАО «Олма Медиа Групп».
- Ястребов Г.А.** (2016). Социальная мобильность в советской и постсоветской России: новые количественные оценки по материалам представительных опросов 1994, 2002, 2006 и 2013 г. Часть I // *Мир России: Социология, этнология*. Т. 24. № 1. С. 7–36.
- Acs G., Zimmerman S.** (2008). U.S. Intragenerational Economic Mobility from 1984 to 2004: Trends and Implications. Washington: Economic Mobility Project, an Initiative of the Pew Charitable Trusts. [Электронный ресурс] Режим доступа: http://www.economicmobility.org/assets/pdfs/PEW_EMP_MOBILITY_1984_TO_2004.pdf, свободный. Загл. с экрана. Яз. рус. (дата обращения: октябрь 2016 г.).
- Boliver V.** (2010). Maximally Maintained Inequality and Effectively Maintained Inequality in Education: Operationalizing the Expansion-Inequality Relationship. *Sociology Working Papers*. Paper Number 2010–05. University of Oxford.
- Bourdieu P., Passeron J.C.** (1997). *Reproduction in Education, Society and Culture*. London: Sage.
- Breen R., Luijckx R., Müller W., Pollak R.** (2010). Long-Term Trends in Educational Inequality in Europe: Class Inequalities and Gender Differences // *European Sociological Review*. Vol. 26. No. 1. P. 31–48.
- Chan W.T., Boliver V.** (2013). The Grandparent Effect in Social Mobility: Evidence from British Birth Cohort Studies // *American Sociological Review*. Vol. 78(4). P. 662–678.
- European Commission (2007). *Promoting Solidarity between Generations*, COM. 244 final. Brussels.
- Ganzeboom H.B.G., Treiman D.J., Ultee W.C.** (1991). Comparative Intergenerational Stratification Research: Three Generations and Beyond // *Annual Review of sociology*. P. 277–302.
- Gerber T., Hout M.** (2004). Tightening Up: Declining Class Mobility during Russia's Market Transition // *American Sociological Review*. Vol. 69. No. 5. P. 677–703.
- Goldthorpe J. H., McNight A.** (2006). The Economic Basis of the Social Class. In: “*Mobility and inequality: Frontiers of Research in Sociology and Economics (Studies in Social Inequality)*”. Grusky D.B., Fields G.S. (eds.). Stanford: Stanford University Press.
- Hertz T., Jayasundera T., Piraino P., Selcuk S., Smith N., Verashchagina A.** (2008). The Inheritance of Educational Inequality: International Comparisons and Fifty-Year Trends. [Электронный ресурс] // *The B.E. Journal of Economic*

Analysis & Policy. Vol. 7. No. 2 Article 10. P. 1–46. Published by The Berkeley Electronic Press. Режим доступа: <http://www.bepress.com/bejeap/vol7/iss2/art10> (accessed: November 2016).

- Hamnett C., McDowell L., Sarre P.** (eds.) (1989). *Restructuring Britain: The Changing Social Structure*. London: Sage.
- Kraaykamp G., Nieuwbeerta P.** (2000). Cultural and Material Life-Style Differentiation in Eastern Europe. A Study on the Intergenerational Transmission of Inequalities in Five Former Socialist Societies // *Social Science Research*. Vol. 29(1). P. 92–122.
- Morgan S.L., GruskyD.B., Fields G.S.** (eds.) (2006). *Mobility and Inequality. Frontiers of Research in Sociology and Economics*. Stanford.
- Neckerman K.M., Tourche F.** (2007). Inequality: Causes and Consequences // *Annual Review of Sociology*. Vol. 33. P. 335–357.
- Piketty T.** (2000). Theories of Persistent Inequality and Intergenerational Mobility. Chapter 8 in “*Handbook of Income Distribution*”. Atkinson A.B., Bourguignon F. (eds.). Amsterdam: Elsevier Science. Vol. 1. P. 436.
- Plewis I., Bartley M.** (2014). Intra-Generational Social Mobility and Educational Qualifications // *Research in Social Stratification and Mobility*. Vol. 36. P. 1–11.
- Popova D., Pishnyak A.** (2016). Measuring Individual Material Well-Being Using Multidimensional Indices: an Application Using the Gender and Generation Survey for Russia // *Social Indicators Research*. Vol. 125. No. 3. P. 1–28.
- Shavit Y., Blossfeld H.-P.** (1993). *Persistent Inequality: Changing Education Attainment in Thirteen Countries*. Boulder, Colo: West-View Press.
- Song J., Cavusgil E., Li J., Luo R.** (2016). Social Stratification and Mobility among Chinese Middle Class Households: An Empirical Investigation // *International Business Review*. Vol. 25. Issue 3. June. P. 646–656.
- Titma M., Tuma N.B., Roosma K.** (2003). Education as a Factor in Intergenerational Mobility in Soviet Society // *European Sociological Review*. Vol. 19(3). P. 281–297.

Поступила в редакцию 12 мая 2016 года

REFERENCES (with English translation or transliteration)

- Acs G., Zimmerman S.** (2008). *U.S. Intragenerational Economic Mobility from 1984 to 2004: Trends and Implications*. Washington: Economic Mobility Project, an Initiative of the Pew Charitable Trusts. Available at: http://www.economicmobility.org/assets/pdfs/PEW_EMP_MOBILITY_1984_TO_2004.pdf (accessed: October 2016).
- Avraamova E., Aleksandrova O., Kulagina E., Loginov D., Titov V., Toreev V.** (2008). *Vertical Mobility of Russian Society: 2000-ies. The collective monograph*. Moscow: M-Studio (in Russian).
- Bessudnov A.** (2009). Socio-Professional Status in Modern Russia. *Universe of Russia (Mir Rossii)* 2, 89–115 (in Russian).

- Bogomolova T.** (2013). Studies of Economic Mobility and Socio-Economic Policy of the State: Analysis of the American Experience. *Living Standards of the Population in the Regions of Russia* 2, 68–78 (in Russian).
- Boliver V.** (2010). Maximally Maintained Inequality and Effectively Maintained Inequality in Education: Operationalizing the Expansion-Inequality Relationship. Sociology Working Papers. Paper Number 2010-05. University of Oxford.
- Bourdieu P., Passeron J.C.** (1997). *Reproduction in Education, Society and Culture*. London: Sage.
- Breen R., Luijckx R., Müller W., Pollak R.** (2010). Long-Term Trends in Educational Inequality in Europe: Class Inequalities and Gender Differences. *European Sociological Review* 26, 1, 31–48.
- Chan W.T., Boliver V.** (2013). The Grandparent Effect in Social Mobility: Evidence from British Birth Cohort Studies. *American Sociological Review* 78, 4, 662–678.
- Cherkashina T.Yu.** (2014). Family Practice of Investing in Children's Education. In: *"The prospects and risks of human development in Siberia"*. Kuleshov V.V. (ed.). Russian Academy of Sciences, Siberian Branch, Institute of Economics and Industrial Engineering [et al.]. Novosibirsk: Publishing House of the SB RAS, 92–103 (in Russian).
- Dubin B.** (2005). Generation: Meaning and Boundaries of the Concept. In: *"Fathers and Sons: Generational Analysis of Modern Russia"*. Levada Yu., Shanin T. (eds.). Moscow: New Literature Review, 61–79 (in Russian).
- European Commission (2007). *Promoting Solidarity between Generations*, COM. 244 final. Brussels.
- Ganzeboom H.B.G., Treiman D.J., Ultee W.C.** (1991). Comparative Intergenerational Stratification Research: Three Generations and Beyond. *Annual Review of sociology*, 277–302.
- Gerber T., Hout M.** (2004). Tightening Up: Declining Class Mobility during Russia's Market Transition. *American Sociological Review* 69, 5, 677–703.
- Gimpelson V., Monusova G.** (2014). Perception of Inequality and Social Mobility. *Economic Journal of Higher School of Economics* 18, 2, 216–248 (in Russian).
- Gimpelson V.Ye., Kapeliushnikov R.I.** (eds.) (2011). *The Russian Worker: Education, Profession, Qualification*. Moscow: Publishing House NRU Higher School of Economics (in Russian).
- Goldthorpe J. H., McNight A.** (2006). The Economic Basis of the Social Class. In: *"Mobility and inequality: Frontiers of Research in Sociology and Economics (Studies in Social Inequality)"*. Grusky D.B., Fields G.S. (eds.). Stanford: Stanford University Press.
- Goldthorpe J.H., Jackson M.** (2007). Intergenerational Class Mobility in Contemporary Britain: Political Concerns and Empirical Findings. *The British Journal of Sociology* 58, 4, 525–546.
- Golovyanitsina E.** (2009). Is the Russian Middle Class Innovative? Peculiarities in Occupational Structure and Labour Values of Middle Class Before the Crisis. *Universe of Russia (Mir Rossii)* 18, 4, 19–36 (in Russian).
- Hamnett C., McDowell L., Sarre P.** (eds.) (1989). *Restructuring Britain: The Changing Social Structure*. London: Sage.

- Hertz T., Jayasundera T., Piraino P., Selcuk S., Smith N., Verashchagina A.** (2008). The Inheritance of Educational Inequality: International Comparisons and Fifty-Year Trends. *The B.E. Journal of Economic Analysis & Policy* 7(2), Article 10, 1–46. Published by The Berkeley Electronic Press. Available at: <http://www.bepress.com/bejeap/vol7/iss2/art10> (accessed: November 2016).
- Klyachko T.L., Mau V.A.** (2007). Tendencies in the Development of Higher Professional Education in Russia. *Educational Studies* 3, 46–64 (in Russian).
- Kon I.S.** (1978). Age Categories in the Science of Man and Science of Society. *Sociological Studies* 3, 81 (in Russian).
- Konstantinovskii D.L.** (2008). Inequality and Education. Moscow: Center of Social Forecasting (in Russian).
- Kozyreva P.** (2013). The Intergenerational Social and Professional Mobility in Post-Soviet Russia. *Sociological Science and Social Practice* 1, 60–73 (in Russian).
- Kraaykamp G., Nieuwbeerta P.** (2000). Cultural and Material Life-Style Differentiation in Eastern Europe. A Study on the Intergenerational Transmission of Inequalities in Five Former Socialist Societies. *Social Science Research* 29(1), 92–122.
- Krelberg J.** (2007). Analysis of Reproduction of Three Components of Social Status. *Universe of Russia (Mir Rossii)* 2, 152–169 (in Russian).
- Maleva T., Burdyak A., Tyndik A.** (2015). Middle Classes at Different Stages of Life Course. *Journal of the New Economic Association* 3, 109–138 (in Russian).
- Maleva T.M.** (ed.) (2003). Middle Classes in Russia: Economic and Social Strategies. Moscow: Gendal'f (in Russian).
- Morgan S.L., Grusky D.B., Fields G.S.** (eds.) (2006). Mobility and Inequality. Frontiers of Research in Sociology and Economics. Stanford.
- Neckerman K.M., Tourche F.** (2007). Inequality: Causes and Consequences. *Annual Review of Sociology* 33, 335–357.
- Oshchepkov A.** (2008). *Interregional Wage Differentials*. In: "Wage in Russia: evolution and differentiation". Gimpelson V., Kapeliushnikov R. (eds.). Moscow: Publishing House NRU Higher School of Economics (in Russian).
- Piketty T.** (2000). Theories of Persistent Inequality and Intergenerational Mobility. Chapter 8 in "Handbook of Income Distribution". Atkinson A.B., Bourguignon F. (eds.). Amsterdam: Elsevier Science 1, 436.
- Plewis I., Bartley M.** (2014). Intra-Generational Social Mobility and Educational Qualifications. *Research in Social Stratification and Mobility* 36, 1–11.
- Popova D., Pishnyak A.** (2016). Measuring Individual Material Well-Being Using Multidimensional Indices: an Application Using the Gender and Generation Survey for Russia. *Social Indicators Research* 125, 3, 1–28.
- Shavit Y., Blossfeld H.-P.** (1993). Persistent Inequality: Changing Education Attainment in Thirteen Countries. Boulder, Colo: West-view Press.
- Shkaratan O.** (ed.) (2009). Socioeconomic Inequality and its Reproduction in Post-Soviet Russia. Moscow: ZAO "OLMA Media Group" (in Russian).
- Song J., Cavusgil E., Li J., Luo R.** (2016). Social Stratification and Mobility among Chinese Middle Class Households: An Empirical Investigation. *International Business Review* 25, 3, June, 646–656.

- Titma M., Tuma N.B., Roosma K.** (2003). Education as a Factor in Intergenerational Mobility in Soviet Society. *European Sociological Review* 19(3), 281–297.
- Yastrebov G.** (2016). Social Mobility in Soviet and Post-Soviet Russia: a Revision of Existing Estimates Using Representative Surveys of 1994, 2002, 2006 and 2013. Part 1. *Universe of Russia (Mir Rossii)* 24, 1, 7–36 (in Russian).

Received 12.05.2016

T.M. Maleva

Institute for Social Analysis and Prediction, Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration, Moscow, Russia

A.Ya. Burdyak

Institute for Social Analysis and Prediction, Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration, Moscow, Russia

Middle Class: the Empirical Measurement of Intergenerational Social Mobility in Russia

Abstract. The authors study intergenerational mobility as economic and social status progress of young and middle working-age people (18–44-years-old) compared to that of their parents. Among educational, occupational and material-well-being characteristics, the most significant advancement has occurred in the consumption possibilities (what goods they can afford to buy). At the same time almost equal groups of respondents think that now they live better (or worse) than their parents at the same age replying to the direct question on well-being comparison. This is not supporting the idea of perceived progress in the standard of living. It is shown that educational and occupational intergenerational mobility of women is greater than that for men. Social strata are defined on the basis of wealth, education, occupational and social status. Different strata show various intensity of getting better than their parents. Opportunities of middle-class representatives have largely been limited by the highest socio-economic position of their parents. Integral intergenerational mobility index is based on indicators of respondents' educational, occupational, consumption status and material well-being changes compared to their parents. The integral indicator shows a small positive intergenerational mobility. By the age of 35–44, people are much better educated than their parents, they have wider opportunities in consumption, and however, improvements in employment status are minimal. The proto-middle stratum shows negative occupational mobility compared to previous generation. The shortage of good jobs is an obstacle to the education-to-job transformation for this social stratum. Therefore, labour market is the main barrier to the middle class growth in Russia.

Keywords: *intergenerational mobility, middle class, education, employment, social mobility, post-Soviet Russia.*

JEL Classification: I31, J62.